

Дневники бегуна на длинную дистанцию

«МЕЙЛ ОН САНДИ», ЛОНДОН.

Тони Ричардсон (настоящее имя Сесил Антонио), муж знаменитой актрисы Ванессы Редгрейв и отец актрис Джозели и Наташи, один из самых талантливых режиссеров своего поколения. Его знают по таким прекрасным фильмам, как «Том Джонс», «Вкус меда», «Атака легкой бригады» и «Одиночество бегуна на длинную дистанцию».

Его смерть в 1991 году от СПИДа потрясла весь театральный мир. В день его смерти родственники обнаружили за шкафом его личные дневники вместе с двумя «Оскарами» за ленту «Том Джонс» (лучший фильм 1964 года, лучший режиссер). Законченные за шесть лет до смерти, приблизительно в то время, когда у Ричардсона диагностировали положительную реакцию на СПИД, они уникальны своим повествованием о беспокойной личной жизни известного режиссера, о его отношениях с самыми замечательными актерами нашего времени.

Недавно под названием «Мемуары бегуна на длинную дистанцию» они вышли в свет в издательстве «Фабер».

Ванесса Редгрейв. Ванессу Редгрейв я увидел впервые в «Отелло» в Стратфорде. Она была занята в массовых сценах и поставила своеобразный рекорд, многократно перемещаясь из одного конца сцены на другой то с горшком, то с кастрюлей на голове.

Вспоминается также один обед, на котором мы с ней вели долгий спор относительно перспектив ядерной энергетики. Этим наши отношения тогда и ограничились.

Потом я как-то попал на спектакль «Как вам это понравится» в Королевском шекспировском театре. В центре внимания была золотоволосая пламенная Ванесса. Слишком положительная, целеустремленная девушка превратилась в излучающую тепло и жизнерадостность очаровательную женщину. Я моментально влюбился в нее и назначил ей свидание.

Имя Ванессы было в то время на устах любого театрала, а вокруг нее ухаживало множество молодых людей, добивавшихся ее любви или хотя бы расположения. Был среди них и театральный критик Бернард Левин. Один раз случайно мы все оказались в одном ресторане. Я послал Ванессе записку. Однако она была близорукой с детства, а мне и в голову не могло прийти, что она не захватила с собой очков. Записку Ванесса передала Бернарду и попросила прочесть ей. Началась записка словами: «... и передай господину Л., что бы он пошел на...»

Прошло совсем немного времени, и мы уже были вместе. Но видятся друг с другом столько, сколько бы хотелось, мы все равно не могли — мешали театральные дела и дальние

поездки за город на съемки. Впрочем, это лишь еще больше разжигало владевшую нами страсть. Каждая встреча превращалась в праздник, а наши постоянно пустые холодильники морозили лишь одно шампанское, ну иногда и баночку икры.

Мы оба не придавали особого значения браку, но как-то незаметно для себя начали воспринимать друг друга как нечто родственное. Мы были очень влюблены и хотели детей. Официальный брак, таким образом, стал казаться нам все более приемлемой формой сосуществования.

В апреле 1969 года мы поженились и отправились в пятидневное свадебное путешествие на Корфу и в Грецию.

В Лондон пришлось вернуться очень скоро, так как Ванесса была занята в двух спектаклях «Как вам это понравится». Но случилось непредвиденное — в самолете не оказалось свободных мест. Пришлось известить администратора о том, что моя жена занята в спектакле по особому распоряжению королевы и что ее отсутствие может привести к дипломатическому скандалу между Великобританией и Грецией, и... какую-то взъерошенную парочку из Канзаса сняли с самолета.

Ванесса ничего не знала о моей акции. Подчинясь неожиданному порыву, она подбежала к несчастным канзасцам, начала обнимать их и благодарить за то, что они принесли себя в жертву ее искусству. Не будь они такими уставшими и ошалевшими, Королевский шекспировский театр в тот вечер не досчитался бы своей Розалинды.

В конце 1964 года Ванесса ожидала появления на свет Джозели. Мы жили в то время в Голливуде, где я снимал фильм-пародию «Любимый».

Ванесса была в подавленном настроении, считая, что лишилась своей обычной привлекательности. В Голливуде почти ничего не знали о ее уже состоявшейся блестящей театральной карьере, и она превратилась просто в госпожу Ричардсон, пребывавшая в тени и часто в полном одиночестве. А когда начались съемки, положение осложнилось еще больше.

Я постоянно отсутствовал и часто либо задерживался допоздна, либо являлся домой с целой компанией актеров, с которыми проводил весь вечер, вспоминая прошедшие съемки или планируя предстоящие.

Во время других съемочных экспедиций Ванесса сама работала, а потому переносила подобные вещи гораздо

до легче. Но теперь она была одна. Жизнь для Ванессы стала просто невыносимой, и ее положение усугубилось чувством, что съемкам просто не будет конца. Она решила вернуться в Лондон.

В это тяжелое время на горизонте появляется другая женщина... очаровательная французская актриса Жанна Моро.

Моро вошла в мою жизнь, согласившись сыграть главную роль в фильме «Мадемуазель».

Во время съемок что-то произошло — и я в нее влюбился. Чуть ли не с первого взгляда мы знали, что это должно произойти. Ванесса тоже это знала и была в отчаянии. Наши отношения с нею становились все более напряженными, хотя мы по-прежнему были преданы друг другу, оставаясь таковыми до сих пор, хотя бы в нашей общей любви к Наташе и Джозели.

Но я никогда раньше не встречал женщину, подобных Жанне, таких же

Тони Ричардсон; покинутая любовь — бывшая жена Ванесса Редгрейв с двухлетней дочерью Джозели; «другая женщина» — Жанна Моро.

утонченных, зрелых, зажигающих.

Мое чувство постоянно подталкивало меня к тому, что должно было привести к окончательному крушению прежней жизни.

Тони Ричардсон не смог вынести разлуки с Моро, решив сразу же после «Мадемуазель» снимать с ней ленту «Моряк с Гибралтара».

Я знал, что о примирении с Ванессой не может быть и речи, чувствовал себя виноватым. Жанна поселилась в той же гостинице. Прошло несколько тягостных дней. Ванесса уже знала все, но мне не хотелось открыто ставить ее в неловкое положение. Она с дочками жила на одном этаже, а я — на другом, Жанна — на третьем.

В этот момент всеобщей неловкости на сцене появляется еще один персонаж — молодой грек Тео, курсант военно-морского училища, за которым укоренилась слава покорителя сердец состоятельных дам.

Мы взяли его в съемочную группу, и случилось неизбежное. В перерывах между съемками он постоянно крутился в гримерной Жанны, а я повел себя самым постыдным образом — уволил его. Мною владело безумное, унижающее чувство ревности. Я неистовствовал, пытаясь следить за Жанной и Тео по вечерам.

Съемки фильма замедлились. Я потерял способность принимать решения, не мог ни думать, ни работать. К Рождеству мы вообще свернули работу. Я обещал провести праздники с Ванессой и девочками в Лондоне, что не очень понравилось Жанне.

В Лондоне я попросил у Ванессы развод. Меня беспокоил мой фильм, мучили угрызения совести, и где-то в глубине души я понимал, что полностью отдался любви к Жанне — так и не смогу. Надо было как-то бежать от эмоциональных перегрузок и стресса. И я улетел как можно дальше от всего этого — на Танти и Бора-Бора, — уже зная, что Жанна

воспримет это как окончательный разрыв наших с ней отношений.

Тео позднее женился на одной из рода Мальборо. Говорят, что, когда он просит у отца ее руки, герцог ответил: «Ты уже владел многими королевами, почему не получишь и эту?».

Ковард и Вивьен Ли. Лоренс Оливье пригласил однажды посмотреть спектакль «Огнялись во гневе» Джона Осборна (первый большой театральный успех Ричардсона). Пьеса ему в общем-то не понравилась, хотя у него возникло ощущение чего-то необычного и нового. Но он согласился сыграть роль сломленного судьбой комика Арчи Райса в другой пьесе Осборна «Комедиант» еще до того, как автор закончил над ней работу.

Ларри был признанным королем театра, «звездой» мирового уровня, а супругой этой царствующей особы (при этом доставлявшей множество хлопот) была Вивьен Ли, одна из красивейших женщин всех времен и народов. Разумом Лоренс уже понимал, что его попытки сделать из Вивьен великую классическую актрису обернулись полным провалом.

Со мной на съемках Ларри чувствовал себя прекрасно. Наконец-то, после стольких лет пребывания на троне, он мог сбросить с себя королевскую мантию, забыть о классике и выкидывать любые колена с удовольствием простого чечеточника, каковым он, по сути дела, всегда оставался.

Мы выбрали для Вивьен пьесу Нозля Коварда «Присматривай за Лулу». Репетиции шли из рук вон плохо. Вивьен, несмотря на то, что была великой «звездой», играть не любила. Сыграть сцену, потеряв при этом собственное «я», никакого удовольствия ей не доставляло, и она постоянно пребывала в состоянии тревоги.

После премьеры «Лулу» критика восприняла ее в штыки. Нозль и Вивьен жили как кошка с собакой. Любая их встреча после нескольких рюмок заканчивалась восклицанием Нозля: «Слава Богу, что у вас с Ларри случился выкидыш, ваш ребен-

нок был бы в три раза большим монстром».

Как я уволил Ричарда Бартона. Когда мы снимали фильм по роману Набокова «Смех в темноте», я никак не мог привыкнуть к «звездному» поведению Ричарда Бартона. Он мог на несколько часов опоздать на съемки, в грош не ставил технический персонал и других актеров, постоянно зубоскалил по поводу сценария. На целые часы он уходил «на ланч», уединялся с Элизабет Тейлор в своем трейлере и оскорблял любого посланного мной за ним ассистента.

Однажды понадобилось его срочное присутствие утром на съемочной площадке. Он же не появился на ней до полудня, что переполнило чашу моего терпения, и я уволил его.

Финансировавшая съемки «Юная артистка» потребовала, чтобы я выплатил миллион долларов неустойки, если фильм не будет снят. Я заманил Ричарда Николем Уильямсом. В свою очередь, Элизабет решила на борту их с Ричардом, яхты, стоявшей на Темзе, разыграть для телевидения сцену примирения, в которой Ричарду и мне предстояло извиниться друг перед другом и вернуться к работе. Извиняться я не хотел и принимать извинения тоже. Дело кончилось тем, что Элизабет своим до боли пронзительным визгливым голосом кричала: «Так ты хочешь, чтобы Ричард вернулся, или нет? Да-а или не-е-т?»

Так пришел конец нашему сотрудничеству. Ричарда я больше не видел, кроме как изредка на другом конце какого-нибудь заполненного людьми ресторана. Тот мой фильм так и не обрел кассового успеха, до сих пор тяжким бременем лежит на моей душе. Я все еще выплачиваю тот несчастный миллион.